

**ОТЗЫВ официального оппонента**  
**на диссертацию на соискание ученой степени**  
**кандидата филологических наук Гадылшина Тимура Рифовича**  
**на тему: «Своеобразие натурализма Ф. Норриса»**  
**по специальности 5.9.2 – «литературы народов мира»**

Диссертация Тимура Рифовича Гадылшина – четвертая в отечественной американистике кандидатская диссертация, специально посвященная творчеству Фрэнка Норриса. Учитывая то, что исследования И.Е. Бабушкиной (1959) и К.А. Белова (1989) принадлежат к советскому литературоведению, а работа З. Ханнановой (2000) реконструирует теорию натурализма Норриса, но в практическом плане сосредоточена на романе «Спрут», на фоне методологических подвижек последних десятилетий ясна **актуальность задачи** обновления и корректировки наших представлений о Норрисе. Особый **теоретический** интерес представляет заявленный в названии подход к писателю как к натуралисту, в свете идущих у нас и за рубежом дискуссий о термине, его исторических границах и наполненности в разных национальных традициях, об индивидуальных вариантах натурализма и поэтике натуралистского произведения.

Диссертант демонстрирует знакомство и творческое усвоение отечественной и зарубежной критической литературы в нескольких сферах, предполагаемых проблематикой диссертации: истории литературы США XIX в., теории натурализма, специальной литературы по проблемам творчества Норриса. Все это в совокупности с самостоятельной интерпретацией произведений **научно обосновывает** предложенные в работе положения и сделанные из них выводы. **Новизна** диссертации состоит в том, что впервые у нас столь подробно рассматриваются не только признанные вершины творчества Норриса, но и не переведенные на русский язык «Моран с “Леди Летти”», «Бликс», «Man’s Wife», «Омут», «Вандовер и Зверь», привлекаются новеллистика и эссеистика писателя, а также его юношеская поэма «Ивернелл».

Проведенный анализ **впервые вводимого у нас материала** позволяет по-новому контекстуализировать произведения Норриса в литературе США рубежа XIX-XX вв., существенно уточнить творческий портрет автора и его индивидуальную разновидность натурализма.

Работа состоит из Введения, трех исследовательских глав, Заключения и Библиографии.

Обширное Введение содержит все необходимые структурные компоненты: предварительный набросок места Норриса в литературе рубежа веков как «американского Золя», критический обзор специальной литературы по теории натурализма и по творчеству Норриса, характеристику методологии, материала, целей и задач диссертационного исследования. Объем этой части превышает привычные пропорции Введения, что оправдано сложностью поставленных в работе задач. Первые четыре выносимые на защиту положения четко детализируют применительно к Норрису традиционные представления о натурализме. Необычно пятое положение относительно «оптимистического натурализма» романа «Бликс». Шестое положение касается склонности Норриса «к романтизации образов, мелодраматизации повествования» (т.1, с. 33), к приемам сенсационного романа. Некоторую расплывчатость формулировки находим в седьмом положении относительно «своеобразной интерпретации» Норрисом традиции Золя и «демонстрации возможностей натуралистического письма» (там же).

Первая глава из трех параграфов рисует историю формирования творческой личности Норриса вплоть до его вступления в 1896 г. на стезю профессионального литератора. Создается портрет молодого человека «из общества», с богемными склонностями, художественными амбициями то в области живописи, то в области литературы, со стремлением шагать в ногу со временем, выделиться. Изложение в главе ведется с преимущественной опорой на фундаментальную биографию «Frank Norris: A Life» (2006) Джозефа Макэлрата и Джесси Крайслера.

Первый параграф, помимо обрисовки родительской семьи писателя, его юношеского европейского путешествия, фокусируется на его парижском опыте 1887-89 гг. Прослеживается, как отразятся в его последующих романах страсть к музыке и обучение академической живописи в Париже у Вильяма Бугеро; ни музыкальные, ни живописные вкусы Норриса нельзя признать передовыми для его времени. Диссертант не употребляет слова «дилетантизм», но подбор фактов говорит именно о стремлении молодого человека к искусству вообще, и неслучайно, как свидетельствуют биографы Норриса, его первая публикация в сан-францисском еженедельнике «Уэйв» в 1895 г. будет подписана «Дилетант» (McElrath, Crysler, p.171).

Второй параграф посвящен попыткам Норриса вписаться в студенческую жизнь Беркли (1889-1894), второго из трех высших учебных заведений, которые он покинул без диплома. Артистические склонности и парижские вкусы юноши плохо уживались с токсичной маскулинностью культуры фратернити, активность в студенческой прессе и театральной самодеятельности – с американским футболом и поведением «крутого парня». Его первое крупное сочинение, поэма «Ивернелл» (1891), напечатанная на деньги матери, в кратком изложении диссертанта удивляет романтической ходульностью. В анекдотах из жизни Норриса студенческой поры раскрываются те черты, в которых его упрекает критика – антисемитизм, расизм, несдержанность, что позже будет использовано в анализе романов.

В третьем параграфе первой главы, «Наставники Норриса и журналистская деятельность писателя», характер изложения меняется. Биографические подробности отходят на второй план, а на первый выходят интеллектуально-художественные влияния, усвоенные писателем в университетские годы. Очерк дарвинистского христианства Д. Леконта иллюстрируется интерпретацией отдельных образов и финалов романов Норриса; рассуждение о Леконте (с упоминанием Г.Спенсера) несколько неожиданно заканчивается констатацией: «близость эстетических взглядов Норриса и [Джека] Лондона закономерна: их неоромантизм восходит к

философии Леконта» (т.1, с.77) – так в работе впервые появляется термин «неоромантизм». Центральное место в параграфе занимает анализ определяющего влияния Киплинга на становление Норриса-новеллиста –Т.Р. Гадылшин раскрывает его в анализе восьми ранних рассказов. В ходе сопоставления с Киплингом возникает весьма важное наблюдение о том, что «страх лишиться таланта всюду присутствует и в творческом сознании Норриса, окончившего Академию Жюлиана и прекрасно знавшего цену истинному художественному дарованию. Чувством тревоги за своё литературное будущее пронизано всё творчество писателя...» (т.1, с. 88), подтверждением чему служат образы Вандовера из одноименного романа и Пресли из «Спрута». Далее следует изложение критических воззрений гарвардского наставника Норриса Льюиса Э. Гейтса на романтизм и реализм как основы для литературных воззрений Норриса. Последний опознаваемый в параграфе компонент этих воззрений – хронологически неverified знакомство Норриса с романистикой Золя, после чего с 1896 г. в его самоопределении наряду с понятиями «реалистический романтик» или «романтический реалист» появляется термин «натуралист». Параграф завершается очерком двухлетней работы Норриса в «Уэйв» как периода профессионального становления, набора материала, наработки приемов для романов.

Детально рассмотрев факторы становления творческой личности Норриса, со второй главы диссертации биографический подход сменяется историко-литературным с элементами психоанализа. Многочисленные переезды Норриса после 98 г. с места на место и дальнейшая хронология биографии упоминаются вскользь. Отныне диссертант сосредоточивается на сквозной проблематике творчества Норриса, на тех ее аспектах, которые традиционно считаются репрезентативными для натурализма. Вторая глава рассматривает мужских протагонистов в романах Норриса. Композиция ее содержит имплицитную оценку конкретных романов: романтическая преувеличенная мужественность отличает, по мнению Тимура Рифовича,

героев трех наиболее мелодраматичных романов писателя. Натуралистические мотивы болезни, деградации, насилия как сути человеческой жизни в современном городе рассматриваются на примерах главных героев «Мактига» и «Вандоваера». О теме наследственности речь тоже идет, хотя в «Мактиге» об отце героя говорится только, что 13 дней он был на шахте усердно работающим начальником смены, а каждое второе воскресенье напивался до скотского состояния. Энергичной матери дантиста посвящено чуть больше строк, и после первой главы они навсегда исчезают из повествования. Думается, этого недостаточно, чтобы подчеркивать в романе важность «генетического фактора» (т.2, с.25), а в «Вандоваере» материала для этого еще меньше. В третьем параграфе исследуются выросшие на документальной основе «Спрут» и «Омут» как части незавершенной «Трилогии пшеницы», как воплощение «центральной для натурализма тема противостояния природы и цивилизации» (т.2, с. 26). Следует отметить как удачу анализ многосторонних, неоднозначных образов «Спрута» и символики природных образов в обоих романах. В третьей главе «Мужское и женское в творчестве Норриса» рассматриваются варианты «войны полов», смелость в нарушении «традиции благопристойности», предлагается классификация женских образов у Норриса: «роковые» женщины и эмансипе, каждому типу отведено по отдельному параграфу.

Заключение к работе еще раз подчеркивает положенную в ее основу «триаду: артистическая авторская натура – маскулинный протагонист-бунтарь – своенравная роковая героиня» (т.2, с .89). В отличие от стандарта раздела Заключение, Т.Р. Гадылшин вводит здесь новый материал: не затронутые ранее эссе Норриса, предлагает новые параллели с образами Генри Адамса, Лоренса, Конрада – параллели, которые в каждом конкретном случае вызывают вопросы. В Заключении к собственной работе, как нам представляется, излишне много ссылок на труды предшественников; проведенный анализ приводит диссертанта к выводу о том, что «Норрис проявляет себя как крайне непоследовательный и противоречивый мыслитель, упоенный полётом собственной фантазии. Запутанными, сбивающими с толку рассуждениями на

социально-философские темы изобилуют как художественные произведения писателя, так и его публицистика» (т.2, с.93-94). «Сумбурность мышления», «нарочитая драматизация», «вторичность художественного языка» (94), «безразличие к отделке языка повествования» (95) констатируются в одном абзаце, а в следующем те же, в сущности, свойства превращаются в сильные стороны Норриса («доверие к игре воображения», «старание преобразовать свои парадоксальные ощущения, мрачные предчувствия и пророческие видения в сложные, многослойные образы...< > спонтанный творческий порыв [преобладает] над рациональным мышлением, и потому ему удаётся причудливо совмещать в своём творчестве готическое, гротескное, символическое, неправдоподобное, мелодраматическое и сенсационное» (т.2, с. 95). Раздел объясняет своеобразие Норриса среди прочих американских натуралистов его повышенной требовательностью к себе и окружающим, умением создавать особо броские образы, антиинтеллектуализмом, сосредоточенностью на сфере инстинктов, на «шестом чувстве» персонажей. Труднее согласиться с выводом о том, что в произведениях Норриса судьбу персонажа определяет наследственность. Заключение завершается мини-панорамой влияния Норриса на литературу США, от его знаменитого открытия Драйзера до Дона ДеЛилло.

В целом положения, вынесенные на защиту, представляются доказанными. Заключение разумно обходит только вышеупомянутое пятое положение об «оптимистическом натурализме» романа «Бликс», которое мне лично видится недоказуемым. В анализе романа диссертант пишет, что здесь Норрис воплощает «мотив женской силы, под неустанным влиянием которой находящийся рядом мужчина с каждым днём становится лучше, постепенно очищаясь от пороков» (т.1, с.116) – разве это не центральная мысль традиции благопристойности? «Бликс» есть слащавая, вполне викторианская история, с парой-тройкой живых сцен, и те написаны слабее, чем в принципе мог Норрис. Даже если согласиться с данной в работе характеристикой проблематики «Бликс» (проблемы «выживания во враждебной среде, описания экзотической

реальности, проблемы романтического индивидуализма» – т.1, с. 121), то выглядит она скорее романтической.

Библиография к диссертации насчитывает 338 позиций, должным образом структурирована и представляет собой скорее общую библиографию трудов по теории натурализма и его истории в литературе США, по творчеству Норриса в целом. Если бы библиографический список включал в себя, как некогда требовалось, только реально задействованные в исследовании источники, он был бы значительно короче (база, помимо биографии – труды Уильяма Диллингхэма, Уоррена Френча, Пола Чивелло, Барбары Хокман, Дональда Пайзера, Линды Довер).

Автореферат отражает основные положения диссертационного исследования.

Работа, затрагивающая столь значительный круг проблем на впервые вводимом материале, не может не быть местами дискуссионной. Диссертация в целом, как мне показалось, являет пример вживания исследователя в свой материал. Т.Р. Гадылшин старается придерживаться научного стиля изложения, к культуре цитирования претензий нет. Однако неоднократное обращение к одному и тому же материалу для иллюстрации разных положений иногда дает повторы (напр., дословные: т.1, с. 120 и т.2, с. 74; смысловые повторы). Высказав некий тезис, автор часто иллюстрирует его примерами из нескольких текстов Норриса, к которым даются к тому же предполагаемые источники влияния и литературные параллели. Все это создает впечатление некоторой разбросанности.

Практически после каждого имени собственного в работе даются даты жизни – представляется, что если это уместно по отношению к таким забытым фигурам, как Льюис Гейтс или приятели Норриса, то необходимость дат жизни Шекспира, Гете и т.п. в рецензируемом академическом жанре менее очевидна.

Поскольку Тимур Рифович работает в основном на оригинальном англоязычном материале, возникают проблемы перевода, от проходных (перевод заглавий: «Моран с “Леди Летти”»; «Находка лейтенанта Аутвейта»,

а не Приговор – *The Finding of Lieutenant Outhwaite*, рассказ Норриса; «Необходимость литературной ответственности», а не Сознания – *The Need of a Literary Conscience*, эссе Норриса; «Падение человека», а не Происхождение – *Descent of A Man*, новелла Э. Уортон) – до смысловых моментов. Детали уличного пейзажа открывающей роман «Мактиг» сцены переведены так: из своего окна герой видит «кабельную линию гигантской электростанции...< >... по улице изредка проезжал вагон фуникулёра» (т.1, с.58). Норрис многократно упоминает характернейшую примету Сан-Франциско – трамвай, cable car. Речь идет не об электростанции, а о подстанции городского трамвая, вагоны которого грохочут по улицам по сей день, привлекая туристов. Понятно, что история техники далека от филологии, но в диссертации говорится об изобретении парового двигателя как о современном Норрису открытии (т. 1, с. 101), хотя патент Томаса Севери на паровой двигатель был выдан в 1698 г., а паровая машина Джеймса Уатта запатентована в 1784. Не идет ли речь о двигателе внутреннего сгорания? Не уверена, что можно описывать Америку 1890-х гг. в терминах перехода от натурального к товарному производству (т.2, с.31), или что в период Реконструкции «материальное начинает незаметно брать верх над духовным» (т.2, с. 63), что теория Веблена о «потреблении напоказ» применима к художественному миру Норриса. Но отмеченные недочеты в переводе, в знакомстве с американскими реалиями, случающиеся стилевые погрешности (напр., «Заменяя слово «кабилы», Норрис использует многочисленные синонимы – «*bournous*», «*haiks*», «*douars*» и «*yataghans*». Подобные определения, заполняющие повествование, не поддаются дословному переводу» – т.1, с. 79) относительно несущественны по сравнению с общей картиной творчества писателя, которая впервые воссоздается по-русски с такой полнотой.

Три вопроса хочется задать автору диссертации. Первый – в работе используется как самоочевидное понятие «литературный оммаж». Что это такое, чем отличается от известных приемов выражения интертекстуальности?

Второй вопрос. Избранный подход к творчеству Норриса рассматривает все его тексты как равноправные проявления его концепций мужчины, женщины, природы, его парадоксального сочетания детерминистской «научности» и веры в роковой случай. В оценочном плане говорится только: ««Спрут» – общепризнанная вершина творчества Норриса, его *magnum opus*» (т.2, с. 28), остальные оценки даны со сносками. Хотелось бы узнать Ваше аргументированное мнение о степени художественности романов Норриса; как бы Вы их ранжировали, что включили бы в список текстов по курсу истории литературы США?

Третий вопрос исходит из темы диссертации, «Своеобразие натурализма Фрэнка Норриса». Диссертация не содержит раздела об эссеистике писателя. В Библиографии значатся три книги, намного более полно представляющие эссеистику, чем том Норриса в «Библиотеке Америки». Вне сомнения, целостное рассмотрение эссе позволило бы уточнить терминологию Норриса, его литературные вкусы и взгляды на задачи национальной литературы. Поэтому вопрос не касается ни языка самоописания Норриса, ни истории осмысления его как натуралиста в критике, а только того, что же, в конечном счете, имеется в виду в финальной дефиниции: «Несомненно, далёкий от постулируемого в эссеистике образа «объективного» натуралиста, Норрис, скорее, оказывается «неисправимым» идеалистом с импульсами романтика» (т.2, с.93). Возникает ощущение либо смешения терминов, либо «натурализма без берегов», ведь 2 и 3-я главы рассматривали Норриса на предмет выявления и реализации в его текстах проблематики, которая прочно ассоциируется с натурализмом – отвержение социальных норм, погружение в мир инстинктов, звериного чутья, насилия, дегенерации.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.2 – «литературы народов мира» (по

филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Тимур Рифович Гадылшин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 – «литературы народов мира».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,

Профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Института филологии и журналистики

ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»

КАБАНОВА Ирина Валерьевна

10.05.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература)

Адрес места работы:

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83,

СГУ имени Н.Г. Чернышевского, кафедра русской и зарубежной литературы

Тел.: +7 (8452) 21-06-49; e-mail: kabanovaiv@sgu.ru